

УРГУТОВ РОДУРРРР!

Пасхальный звон
Открытка с картины М.М. Гермашева

№ 4 (186)
апрель

2012

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЕСТНИК

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси КИРИЛЛА
архипастырям, пастырям, диаконам, монашествующим
и всем верным чадам Русской Православной Церкви

мертвых Спасителя мира, мысленно созерцая Его исхождение от гроба, обращаю ко всем вам жизнеутверждающий, исполненный внутренней силы, необоримой правды и радости возглас:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Светозарная пасхальная ночь являет человечеству полноту Божественной любви, по которой превечный Сын Небесного Отца принял на Себя человеческое естество, исцелил его от болезни греха и, сойдя в адские глубины, сокрушил оковы смерти, даровав нам бесценную возможность единства со своим Создателем и Промыслителем.

Приобщаясь к этой всепокрывающей любви Господа, мы обретаем непобедимое оружие «против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12). Мы преодолеваем страх, вызванный ограниченностью нашей человеческой природы, и обретаем способность безбоязненно смотреть в лицо любимым вызовам времени. Ибо «в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (1 Ин. 4, 18).

Неслучайно Евангелие многократно возвещает нам слова Господа, произносимые Им для ободрения, укрепления духа Своих последователей: «Не бойся!» Страх будущего, боязнь опасностей, неведомых, мнимых или реальных угроз — это чувство, знакомое многим. Но Господь пребывает с нами, если только мы сами не отвергаемся Его. И во дни прославления Его победы над смертью Спаситель вновь взывает к каждому из нас: «Не бойся, только веруй!» (Мк. 5, 36).

Пусть наше поведение, противоречащее лукавому духу века сего, станет зримым подтверждением Правды Вечной. Ибо, хотя ныне мы пребываем в условиях общественной и религиозной свободы, стремление жить в соответствии с христианскими нравственными нормами по-прежнему

Розлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, всечестные пресвитеры и диаконы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

Духовно торжествуя в сей великий и славный праздник Воскресения из

означает движение против течения. Оно обнаруживает несогласие с теми стереотипами поведения и позицией оправдания греха, которые настойчиво и системно внедряются в жизнь людей через современные средства воздействия на сознание.

Обратившись ко Господу, мы сможем выбраться из духовной пустоты и царствующего в мире эгоизма, увидеть свет Воскресения, воспринять его как путеводный ориентир в шествовании к Небесному Граду.

Источником сил в этом движении к вечности да станет для нас приобщение к единой Евхаристической чаше. Да укрепит нас благодать Всесвятого Духа, даруя нашим душам неотъемлемый мир, стойкость в вере, преуспеяние в добродетелях.

Приобщаясь Тела и Крови Христовых, мы, по слову Священного Писания, становимся «причастниками Божеского естества» (2 Пет. 1, 4), способными изменить свое природное состояние. Через Причастие мы получаем

возможность уподобиться во всем Тому, Кто ради нас «уничжил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2, 7-8).

Нравственное, духовное изменение самого себя является главным залогом и основанием для преображения жизни общества, народа, страны. Невозможно изменить к лучшему целое, не совершенствуя его части. Правильное умонастроение людей всех возрастных, социальных и политических групп непосредственно определяет благополучие Отечества. От того, какими будут наши жизненные векторы, зависит путь развития всех государств исто-

рической Руси, Церкви нашей, а в предельном значении — и всего творения Божьего, врученного нам Создателем, чтобы беречь и «хранить его» (Быт. 2, 15).

Молитвенно желаю всем вам, дорогие мои, неослабного пребывания в радости о Воскресшем Победителе ада и преизобильной помощи свыше в ваших повседневных трудах.

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!

Аминь.

КИРИЛЛ
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
Пасха Христова 2012 г. г. Москва

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

Епископа Барнаульского и Алтайского МАКСИМА
пастырям, монашествующим и всем чадам
Барнаульской Епархии Русской Православной Церкви
Московского Патриархата

*«Ныне вся исполнишася Света, небо же и земля и преисподняя:
да празднует убо вся Тварь восстание Христово, в нем же утверждаемся»
(Канон Св. Пасхи).*

Розлюбленные о Господе досточтимые пастыри, честные иноки и инокини, боголюбивые миряне!
ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!
Завершив по милости Божией многотрудное и вместе с тем спасительное поприще Великого поста и Страстной Седмицы, мы с вами достигли светлого и радостного дня Воскресения Христова Святой Пасхи, которая по словам прп. Иоанна Дамаскина: «Праздников праздник и торжество есть торжество!» В этот великий и миротворительный день любовь и благодатный мир непостижимо переполняют наши сердца, и мы готовы «простить всех Воскресением», предвкушая будущую райскую сладость и вечное блаженство.

Как после очень долгой ночи, когда от рассветных лучей тает тьма и является небесный свет, мы уже не помним ни страхов, ни холода, ни томительного ожидания утра, так и в нашей человеческой истории, в этой тьме кажущейся богооставленности воссиял однажды ни с чем не сравнимый свет Воскресения Христова и преобразил весь мир.

И нет больше скорби, кроме скорби о наших некогда бывших преткновеннях и падениях. Нет больше слез, кроме слез радости от сознания того, что мы снова усыновлены Богом и что путь в Царство Отца Небесного открыт всем, желающим идти по нему. Нет больше страха, он, как воск от огня, растаял от нетварного света пасхального торжества веры над малодушием и неверием, надежды над сомнением, любви над ненавистью и предательством, жизни над смертью. Отвален ныне камень от входа в опустевшую погребальную пещеру. Христос Воскрес! Радауйтесь, люди!

Воскресение из мертвых Господа нашего Иисуса Христа это основание нашей веры, это тот незыблемый фундамент, на котором зиждется христианство. «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» — говорит святой апостол Павел (1 Кор. 15; 14). Но не тщетна наша вера и труды наши духовные не напрасны, ибо «Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших» (1 Кор. 15; 17). В этом основа вероучения нашей Святой Православной Церкви, и в Пасхальную ночь мы радостно спешим поведать друг другу об этом наиважнейшем в нашей вере и в нашей жизни событии.

Каждый год, когда душа наша ликует в эту ночь, озаренную множеством ярко горящих свечей, сияющих радостью лиц и преисполненных любовью сердец, мы вновь и вновь удивляемся тому необычайному чуду всеобщего духовного преображения, этому таинству встречи Неба и Земли, Таинству единения с Господом и друг с другом.

Искренне пережив это важнейшее в мировой истории и жизни каждого из нас событие хотя бы однажды, мы уже не сможем молчать о том спасительном знании, причастниками которого мы стали.

Эта же пасхальная радость так переполняла сердца апостолов Христовых, что они, не чувствуя усталости, голода и холода,

проходили многие, до того неизвестные им земли, с одним лишь только желанием: поделиться с братьями и сестрами, сидящими еще во тьме неведения, светом, просвещающим души до самых глубин. От невестественного огня этой пасхальной радости так истаявали сердца мучеников за имя Христово, что они не чувствовали вещественного пламени, опалявшего их тела. Желание приобщиться к этой пасхальной радости подвигало великие сонмы святителей, преподобных, праведных, блаженных смело идти против бурного течения реки мира сего, творить дела любви там, где в нее уже никто не верил, и тем продолжать дело Спасителя преобразять этот лежащий еще во зле мир.

Возлюбленные о Господе всечестные отцы, братья и сестры, чудо Воскресения Христова должно войти в жизнь каждого из нас, как живой и личный опыт. Чтобы за внешним благолепием наших православных храмов и богослужения мы всегда видели Того, ради Кого только и стоит жить, ради Кого не страшно и умереть воплотившуюся ради нас, преданную, страдавшую, умерщвленную на Голгофском Кресте, но воскресшую из мертвых Любовь. Чтобы Пасха Христова стала для нас не просто историческим событием, ежегодно отмечаемым торжественным богослужением и красивыми праздничными обрядами, но перевернула бы всю жизнь, став источником желания и сил творить добрые дела, укрощать гордость и гнев, разрушать ненависть и вражду, оказывать милость ближним и дальним, утверждать мир и согласие. «Воскреснув со Христом и ты сделался новым творением созданным на дела благие. Да обновится у тебя вся жизнь, да обновятся все пути твоей деятельности: так обновляется духом человек, так чувствуется день духовного обновления» — обращается ныне к каждому из нас свт. Григорий Богослов.

Возлюбленные, в светлые дни Пасхи Христовой, когда мы празднуем, «смерти умерщвление, адово разрушение и иного жития вечного начало» постараемся как можно дольше сохранить в себе ликование этой ночи «просветимся торжеством и радостно друг друга обьемем».

Поспешим же ныне поделиться этим живым чувством встречи с Воскресшим Христом с родными и близкими, любящими и ненавидящими нас и особенно с теми, кто сегодняшний светлый день встречает со скорбью, порожденной одиночеством, телесными недугами и нищетой. Будем же ходить во Свете и творить дела Света. Свет Христов да просветит всех нас! Да дарует Господь Воскресший всем нам истинную Любовь. Ибо Он Сам есть Вечная и Всесовершеннейшая Любовь!

Христос Воскресе! Воистину Воскресе Христос!

**МАКСИМ, ЕПИСКОП БАРНАУЛЬСКИЙ И
АЛТАЙСКИЙ, РЕКТОР БАРНАУЛЬСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ**
Пасха Христова, град Барнаул, 2012 г.

ЧУДО СХОЖДЕНИЯ БЛАГОДАТНОГО ОГНЯ

Наше время рационализма мир залит равнодушием к вере Христовой. Всюду утверждается безверие, безбожие, атеизм.

Но в напоминание нам — верующим, в утверждение колеблющимся и в обличение атеистов каждый год совершается в мире чудесное событие, поражающее материалистический мир.

Это чудесное явление — появление Благодатного огня или Святого Света бывает в Великую Субботу на Гробе Господнем в Иерусалиме, т. е. на месте погребения и славного Воскресения Господа нашего Иисуса Христа. Появление благодатного огня происходит из года в год, долгие века, до настоя-

щего времени. Когда произошло первое явление святого огня положительно установить трудно. Церковные историки ссылаются на писания святых отцов Григория Нисского и Иоанна Дамаскина, упоминающих об этом и которые как известно были сами в Иерусалиме. О благодатном огне говорят крестоносцы, и все без исключения паломники на протяжении всех этих веков до настоящих дней, которые сами лично убеждаются в этом.

Ввиду того, что получение благодатного огня принадлежит исключительно только православному патриарху, так как инославные пытались сами получать, но совершенно безуспешно, то католики демонстративно отошли от участия в этом благодатном торжестве. Хотя сам папа римский Урбан II на крестовом соборе в Клермоне свидетельствовал о благодатном огне на Гробе Господнем, закончив словами: — «чье сердце, сколько бы ни было окаменелым, не смягчится таким явлением».

Ко всему следует указать, что появление благодатного огня на Гробе Господнем находится под строгим и ревностным надзором гражданских властей. Все огни в храме тушатся еще накануне, в Великую пятницу, под

контролем полиции. Само помещение Гроба Господня тщательно осматривается гражданскими властями и затем вход в него ими же опечатывается. Самого Патриарха разоблачают и он остается в одном подряснике; его всего с ног до головы осматривают и ощупывают, — нет ли при нем чего-нибудь воспламеняющегося. Только после этого снимают печать со входа в Гроб Господень и Патриарха впускают в него для получения благодатного огня. Через некоторое время, после усердной молитвы, получив благодатный огонь, Патриарх зажигает пучки свечей (по 33 свечки в каждом, по числу лет земной жизни Спасителя) и передает присутствующим в храме, и весь храм озаряется морем огня. Этот благодатный огонь в течение 10-15 минут совершенно не обжигает.

Стечение народа на это торжество бывает колоссальным: греки, русские, армяне, арабы, англичане, американцы, французы, турки, евреи и др.

Таково величайшее проявление благодати Божией на нашей грешной земле для вразумления и спасения нас грешных.

По страницам Закона Божия протоиерея Серафима Слободского

«Море огня и море радости»

О чуде схождения Благодатного огня рассказывает архимандрит Игнатий, насельник киевского Ионинского монастыря.

Ры знаете, там все необычно. Мы пришли в храм почти за сутки до схождения огня, часа в три-четыре пополудни, и простояли в храме вечер и ночь. В храме были потушены все лампы. Около одиннадцати часов в Великую субботу Патриарх Диодор (его тогда уже носили на носилках) начал совершать службу. К этому времени стечение народа было просто колоссальное. Нельзя было даже упасть. Я невысокий, мне почти ничего не было видно, и поэтому я взял с собой стульчик и стал на него, подобно Закхею, который влез на смоковницу, чтобы увидеть Христа. Благодаря этому я поднялся на тридцать сантиметров выше и уже видел все. Я стоял в правой части храма в 10-15-ти метрах от Кувуклии. В храме было много греков, коптов, эфиопов, румын, армян — был представлен весь мир. Напряжение все время росло, все ожидали схождения огня. Православные арабы, которых было очень много, кричали: «Наша вера славная, вера Православная».

Около полудня в храме начали появляться вспышки огня — как бы отблески голубоватого цвета, но не холодного, а теплого оттенка. Эти вспышки мелькали все чаще, и народ все более ликовал. В это время Патриарх, сняв облачение, вошел в Кувуклию. За ним затворили дверь, как бы запечатав камень. Настала гробовая тишина, все крики прекратились. Вспышки огня стали появляться все чаще и чаще, во всех уголках

храма — тысячи и даже более вспышек, сменяя одна другую. Напряжение росло. Каждый, кто стоял в храме, держал в руках несколько пучков свечей (в каждом пучке 33 свечи). У меня было пучков восемь или девять. Я почему-то отвлекся на минуту, и вдруг слышу нарастающий шум, а потом будто взрыв — все начали ликовать. Вижу: огонь!

В храме есть специальные служители, которые принимают огонь от Патриарха и разносят по сему храму по проходам, которые специально для этого отгорожены. Они бегут по этим проходам и раздают огонь. Пока я зажег свои свечи, прошло около минуты. Я попробовал поднести огонь к лицу, но он уже немножко обжигал. Чувствую, что борода может загореться. Но первые полминуты огонь точно не обжигает: я сам видел, как люди подносили огонь к лицу, волосам, рту, умывались им.

В храме зажглись сами собой все лампы. Также зажглись свечи у многих людей. Я сам это видел: у людей, стоявших на балконе, свечи вспыхнули раньше, чем к ним могли добежать гонцы, разносящие огонь.

Весь храм был мне виден как на ладони, и уже через минуту вокруг меня во все стороны появилось море огня. Море огня и море радости: до этого было огромное напряжение, а теперь кто плачет, кто смеется, все ликуют и прославляют Бога. Чувство необыкновенное, будто птица вырвалась из клетки и устремилась вверх, настолько растворяешься во всеобщем торжестве.

И вот — вспышки огней, свечение, которое движется. Вспышки могут появиться в самых разных местах Храма и выглядеть по-разному. Когда свечение касается свечей и лампад, они зажигаются. Под куполом сверкают голубоватые молнии.

Те, кто стояли снаружи Храма, рассказывали, что видели над куполом замедленные молнии, разноцветные огни вокруг купола, которые появлялись и гасли, словно играя.

Это явление запечатлено на видео пленку и вот описание заснятого: «В низкомисящих над куполом храма густых ночных облаках появляется быстро растущий яркий просвет из которого на шпиль главного купола храма вырывается ослепительный бело-голубой луч света. Мгновение спустя, как это бывает в западных фильмах, весь храм оказывается опоясанным змеящимися по его стенам и колоннам вниз молниями и бликами, которые как бы стекают к подножию храма и растекаются (в буквальном смысле слова) по площади среди стоящих на ней людей... Чудо длится не более 10-15 минут. Из сияющего провала в облаках, с ночного неба постоянно ниспадают вниз сполохи яркого голубого пламени, молнии, которые заливают прилегающие к храму районы и сам храм, вся окружающая местность полностью залита красивым, мягким сиянием».

На ложе Живоносного Гроба рассыпаются звездочками яркие голубые огоньки, превращаются в синий огонь. Иногда их видят и других цветов. Вата и лента, лежащие на Гробе, вспыхивают, загораются свечи в руках Патриарха, зажигается специально приготовленная и заправленная маслом большая лампада на Гробе.

Один очевидец рассказывал, что Кувуклия сияет, переливается серебром, по ней струятся белые молнии. Из отверстия в куполе Храма на Кувуклию с неба опускается вертикальный широкий столб света. Он то разделяется на такие же вертикальные лучи, то собирается в один огромный сноп света. Другие видят схождение огня в виде огненных шаров, от которых загораются свечи. Очевидцы уверяют, что эти сполохи, вспышки и молнии не дают теней...

Некоторые видят над Кувуклией голубоватое облачко, ощущают выпадение росы. Эта роса проникает и в Кувуклию и смачивает вату на Гробе. Иногда по Камню Помазания (место, где помазали Тело Господа перед положением во Гроб, недалеко от Кувуклии) пробегают искры.

У некоторых в Храме загораются в руках свечи. Обычно зажигаются лампы над Камнем Помазания. Одна гречанка подбросила вверх свой пучок и он вернулся к ней горящим.

Получив огонь, Патриарх выходит в Придел Ангела и дает зажечь свечи армянскому Католику, затем они оба через овальные окошечки Кувуклии передают горящие свечи наружу, и все, у кого они еще не зажглись, зажигают друг у друга от огня из Кувуклии или от ближайших соседей, у которых сами зажглись свечи. Мгновенно весь Храм взрывается ликованием и наполняется огнем.

2000 г.
www.holyfire.org

На протяжении нескольких последних столетий каждый посетитель храма Воскресения Христова может видеть мраморную колонну, рассеченную необычной трещиной. Согласно православному преданию, трещина появилась чудесным образом в Великую субботу 1579 года. В это время Османской империей правил султан Мурад III, а Патриархом был Софроний IV (1579-1608). Предание гласит, что армяне подкупом добились у иерусалимского паши позволения им одним быть в храме Воскресения Христова в Великую субботу. Поэтому православный Патриарх вместе с народом не были допущены внутрь и вынужденно молились перед входом в храм. Ожидание уже сильно затянулось по сравнению с обычным временем и вдруг раздался громовой удар, одна из колонн храма треснула и оттуда брызнул Огонь. Патриарх зажег свои свечи, от него зажгли все православные и все пришедшие в храм. При этом православные арабы от радости стали прыгать и громко кричать, прославляя Бога, от этого и идет их обычай шумно и громко славить Бога в храме каждую Великую субботу.

Предание сообщает, что один из турецких офицеров, мусульманин по имени Омир, увидев чудо с Огнем из колонны, бесстрашно исповедал, что он теперь тоже христианин. За это он был тут же обезглавлен, и сожжен на площади перед храмом. Православные собрали пепел и кости Омира, поместили в раку и поставили в женском монастыре Введения Пресвятой Богородицы, где они находились до конца XIX века, источая благоухание. Память святого новомученика Омира совершается 1 мая (19 апреля).

РЕКА ВРЕМЕН

Митрополит Питирим (Нечаев)

Пасха в советское время

Е. Калиновская «Крестный ход на Пасху»

Великий Пост — это вскрытие истоков собственной нравственности. Весной вся природа очищается — очищаются газоны, появляется молодая травка, подснежники. Точно так же в пост организм очищается от шлаков, а вместе с тем в душе открываются особые рецепторы, способные чутко сострадать Страстям Христовым в Великую Пятницу, а потом с восторгом встретить Светлое Христово Воскресение.

Перед Пасхой, как водится, прежде всего, мыли окна. Я всегда с ужасом смотрел, как в высоком доме, где-нибудь на пятом-шестом этаже хозяйка, стоя на подоконнике и высунувшись из окна, всюю намывает стекла. Дома перемывали посуду, вытирали всю пыль и грязь, — все, что за зиму накопилось. В Великий Четверг непременно брали огонь от «Двенадцати евангелий», приносили домой и старались сохранить весь год. Для этого в доме горело несколько лампад, — если в одной масло иссякнет или ветер огонек задует, то в других он сохраняется.

Причащаться на Пасху в наше время было не принято. Разумеется, в том, чтобы приобщиться Святых Тайн в праздник, нет ничего плохого, но надо реально смотреть на вещи: все — и в том числе священнослужители — уже утомлены и думают в основном о том, как бы поскорей разговеться и отдохнуть. Для нас высшим

благоговением было причаститься в Великий Четверг — вместе с учениками Христовыми. Служащие, те, кто в этот день никак не мог, причащались в Великую Субботу. Была даже особая постоянная «субботняя» публика: профессора и другие видные люди.

Конечно, есть люди, которые и в церковь-то заглядывают только на Пасху. Для таких это — единственная возможность. Такие были и до революции. Патриарх рассказывал, как одна чопорная петербургская дама говорила — с особым галликанским акцентом: «В церкви так скучно! Бог знает, что: как ни придешь, все — «Христос воскрес!»» Он же вспоминал, что в Петербурге в пасхальную ночь людей по домам развозили лодочники — по каналам. Были они в основном эстонцы или чухонцы, и вот, один из них жаловался: «В церкви очень плохо! Больше не пойду! Я зашоль, а там поп дымом машет и кричит: «Крестовский остров!» А я вожу на Васильевский. Так я и крикнуль. Он опять: «Крестовский остров!» — а я: «Васильевский остров!» Дали по шеям и выгнали. Больше не пойду!»

Было еще обычай: на Пасху все ходили друг к другу в гости, пробовали пасхи и запоминали. Пасху начинали готовить в Великий Четверг, а в Великую Пятницу пекли куличи. Печь куличи — технически очень сложный процесс, потому что настоящий кулич по-русски — это очень крутое сдобное

тесто, которое обязательно должно быть выдержано по определенной технологии. Печь тоже сложно: берут металлическую форму, внутрь кладут бумагу, смазанную маслом; когда кулич испечется и взошедшее тесто сверху станет темно-желтым, коричневатым грибом, форму достают, кладут на подушку и начинают осторожно катать, чтобы кулич спокойно вышел. А то бывает так, как однажды случилось у нас в семье: зарумянившаяся крышка отломилась и вытекло сырое тесто. А это целая трагедия, потому что по куличу смотрят, какой будет год. У нас, тем не менее, тот год был счастливым, хотя тесто пришлось собирать в кастрюльку и ставить на допекание. Куличи были вкусные, но нетрадиционные.

Отец рассказывал случай, бывший еще до первой мировой войны. В день Пасхи они с городским полицмейстером обходили тюрьму. Заходят в камеру предварительного заключения и видят: сидит известный городской бродяга. Полицейский начальник спрашивает: «Ты, братец, как сюда попал?» — «А я, Ваше благородие, «веселыми ногами!»» А в пасхальном богослужении действительно есть слова, что мы будем праздновать Пасху, следуя за Христом «веселыми ногами». В праздник целый день звонили колокола, и вот, этот бродяга прямо на городской площади пустился в пляс, а городской посчитал, что это неприлично, и отправил его в кутузку.

«Ладно, — сказал полицмейстер, — получи рубль и уходи!».

С Красной горки начинали катать яйца. У меня в детстве тоже была специальная дощечка для этого, длиной, наверное, в полметра, с наклоном и с желобком внутри. На один конец яйцо клали, с другого — катили. Чье яйцо уцелеет — тот победил.

В послевоенные годы, когда особенно дороги стали могилы, народ пошел на кладбища не на Радоницу, как было

принято раньше, а в первый день Пасхи. До революции такого явления не наблюдалось. Что ж — новые обычаи тоже рождаются. На Преображенском кладбище есть могила наших солдат, скончавшихся в госпиталях после Финской кампании. И вот, куртина от обелиска до ворот в прошлые годы была сплошь засыпана крашеными яйцами. Памятник — красная звезда на обелиске, а рядом стоят люди и поют пасхальные гимны.

По моим наблюдениям, такого пасхального ликования, как в России, нет нигде в мире. Однажды мне пришлось присутствовать в костеле — у нас в Москве, — на католическую Пасху, — и показалось очень уныло. К счастью, православная Пасха была позже и я, так сказать, получил компенсацию.

По страницам книги
«Русь уходящая»
Рассказы митрополита»

МЫСЛИ О ГЛАВНОМ

Н.В. ГОГОЛЬ

Светлое Воскресенье

Русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресенья. Он это чувствует живей, если ему случится быть в чужой земле. Видя, как повсюду в других странах день этот почти не отличен от других дней, — те же всегдашние занятия, та же вседневная жизнь, то же будничное выражение на лицах, — он чувствует грусть и обращается невольно к России. Ему кажется, что там как-то лучше празднуется этот день, и сам человек радостней и лучше, нежели в другие дни, и самая жизнь какая-то другая, а не вседневная. Ему вдруг представится — эта торжественная полночь, этот повсеместный колокольный звон, который как всю землю сливает в один гул, это восклицанье «Христос Воскрес!», которое заменяет в этот день все другие приветствия, это поцелуй, который только раздается у нас, — и он готов почти воскликнуть: «Только в одной России празднуется этот день так, как ему следует праздноваться!» Разумеется, все это мечта; она исчезнет вдруг, как только он перенесется на самом деле в Россию или даже только припомнит, что день этот есть день какой-то полусонной беготни и суеты, что честолюбие кипит у нас в этот день еще больше, чем во все другие, что даже и сам народ, о котором идет слава, будто он больше всех радуется, уже пьяный попадает на улицах, едва только успела кончиться торжественная обедня, и не успела еще заря осветить земли. Вздохнет бедный русский человек, если только все это припомнит себе и увидит, что это разве только карикатура и посмеянье над праздником, а самого праздника нет. Для проформы только какой-нибудь отсталый патриот, в досаде на молодежь, которая бранит старинные русские наши обычаи, утверждая, что у нас ничего нет, прокричит гневно: «У нас все есть — семейная жизнь, и семейные добродетели, и обычаи у нас соблюдаются свято; и долг свой исполняем мы так, как нигде в Европе; и народ мы на удивленье всем».

Нет, не в видимых знаках дело, не в патриотических возгласах и не в поцелуе, данном инвалиду, но в том, чтобы в самом деле взглянуть в этот день на человека, как на лучшую свою драгоценность, — так обнять и прижать его к себе, как наироднейшего своего брата, так ему обрадоваться, как бы своему наилучшему другу, с которым несколько лет не видались и который вдруг неожиданно к нам приехал. Еще сильнее! еще больше! потому что узы, нас с ним связывающие, сильнее земного кровного нашего родства, и породнились мы с ним по нашему прекрасному небесному Отцу, в несколько раз нам ближайшему нашего земного отца, и день этот мы — в своей истинной семье, у Него Самого в дому. День этот есть тот святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него ни одного человека. Как бы этот день пришелся, казалось, кстати нашему девятнадцатому веку, когда мысли о счастье человечества сделались почти любимыми мыслями всех; когда обнять все человечество, как братьев, сделалось любимой мечтой молодого человека; когда многие только и грезят о том, как преобразовать все человечество, как возвысить внутреннее достоинство человека... Как бы, казалось, девятнадцатый век должен был радостно воспринять этот день, который так по сердцу всем великодушным и человеколюбивым его движениям!

«Гоголь, — по словам прот. В. Зеньковского, — первый пророк возврата к целостной религиозной культуре, пророк православной культуры, ... он ощущает как основную неправду современности ее отход от Церкви, и основной путь он видит в возвращении к Церкви и перестройке всей жизни в ее духе». Беда современного Гоголю общества ему видится в том, что «Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь». Эти слова, увы, актуальны и сегодня.

Встречая Светлый праздник Воскресения Христова, предлагаем нашим читателям прислушаться к Н.В. Гоголю, взглянуть в позапрошлый XIX век из века нынешнего, в котором продолжают исполняться пророческие слова писателя.

Но на этом-то самом дне, как на пробном камне, видишь, как бледны все его христианские стремленья и как все они в одних только мечтах и мыслях, а не в деле. И если, в самом деле, придется ему обнять в этот день своего брата, как брата — он его не обнимет. Все человечество готов он обнять, как брата, а брата не обнимет. Отделись от этого человечества, которому он готовит такое великодушное объятие, один человек, его оскорбивший, которому повелевает Христос в ту же минуту простить, — он уже не обнимет его. Отделись от этого человечества один, несогласный с ним в каких-нибудь ничтожных человеческих мненьях, — он уже не обнимет его. Отделись от этого человечества один, страждущий видней других тяжелыми язвами своих душевных недостатков, больше всех других требующий сострадания к себе, — он оттолкнет его и не обнимет. И достанется его объятие только тем, которые ничем еще не оскорбили его, с которыми не имел он случая столкнуться, которых он никогда не знал и даже не видел в глаза.

Вот какого рода объятие всему человечеству дает человек нынешнего века, и часто именно тот самый, который думает о себе, что он истинный человеколюбец и совершенный христианин! Христианин! Выгнали на улицу Христа, в лазареты и больницы, вместо того, чтобы призвать Его к себе в дома, под родную крышу свою, и думают, что они христиане!

Нет, не воспрядновать нынешнему веку Светлого праздника так, как ему следует воспрядноваться. Есть страшное препятствие, есть непреодолимое препятствие, имя ему — гордость. Она была известна и в прежние веки, но то была гордость более ребяческая, гордость своими силами физическими, гордость богатствами своими, гордость родом и званием, но не доходила она до того страшного духовного развития, в каком предстала теперь. Теперь явилась она в двух видах. Первый вид ее — гордость чистотой своей.

Обрадовавшись тому, что стало во многом лучше своих предков, человечество нынешнего века влюбилось в чистоту и красоту свою. Никто не стыдился хвастаться публично душевной красотой своей и считать себя лучшим других. Позабыто, что он сам может на всяком шагу, даже не приметив того сам, сделать то же подлое дело, хотя в другом только виде, — в виде, не пораженном публичным позором, но которое, однако же, выражаясь пословицей, есть тот же блин, только на другом блюде. Такому ли человеку воспрядновать праздник небесной Любви?

Есть другой вид гордости, еще сильнейший первого, — гордость ума. Никогда еще не возростала она до такой силы, как в девятнадцатом веке. Она слышится в самой боязни каждого прослыть дураком. Все вынесет человек века: вынесет название плута, подлеца; какое хочешь дай ему название, он снесет его — и только не снесет название дурака. Над всем он позволит посмеяться — и только не позволит посмеяться над умом своим. Ум его для него — святыня. Из-за малейшей насмешки над умом своим он готов сию же минуту поставить своего брата на благородное расстояние и посадить, не дрогнувши, ему пулю в лоб. Ничему и ни во что он не верит; только верит в один ум свой. Чего не видит его ум, того для него нет. Он позабыл даже, что ум идет вперед, когда идут вперед все нравственные силы в человеке, и стоит без движения и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы. Не верит он этому, и все, чего не видит он сам, то для него ложь. И тень христианского смиренья не может к нему прикоснуться из-за гордыни ума. Во всем он усумнится: в сердце человека, которого несколько лет знал, в правде, в Боге усумнится,

но не усумнится в своем уме. Уже ссоры и брани начались не за какие-нибудь существенные права, не из-за личных ненавистей — нет, не чувственные страсти, но страсти ума уже начались: уже враждуют лично из несходства мнений, из-за противуречий в мире мысленном. Уже образовались целые партии, друг друга не видевшие, никаких личных сношений еще не имевшие — и уже друг друга ненавидящие. Поразительно: в то время, когда уже было начали думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, — дорогой ума, и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердце людей повсюду. Уже и самого ума почти не слышно... уже одна чистая злоба воцарилась вместо ума.

И человеку ли такого века уметь полюбить и почувствовать христианскую любовь к человеку? Ему ли исполниться того светлого простодушия и ангельского младенчества, которое собирает всех людей в одну семью? Ему ли услышать благоухание небесного братства нашего? Ему ли воспрядновать этот день? Дьявол выступил уже без маски в мир. Дух гордости перестал уже являться в разных образах и пугать суеверных людей, он явился в собственном своем виде. Почуя, что признают его господство, он перестал уже и чиниться с людьми. С дерзким бесстыдством смеется в глаза им же, его признающим; глупейшие законы дает миру, какие доселе еще никогда не давались, — и мир это видит и не смеет послушаться. Что значит эта мода, ничтожная, незначащая, которую допустил вначале человек как мелочь, как невинное дело, и которая теперь, как полная хозяйка, уже стала распоряжаться в домах наших, выгоняя все, что есть главнейшего и лучшего в человеке? Никто не боится преступать несколько раз в день первейшие и священнейшие законы Христа и между тем боится не исполнить ее малейшего приказанья, дрожа перед нею, как робкий мальчишка. Что значит, что даже и те, которые сами над нею смеются, пляшут, как легкие ветреники, под ее дудку? Что значат эти так называемые бесчисленные приличья, которые стали сильней всяких коренных постановлений? Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а Божии помазанники остались в стороне? Люди темные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мненьями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый живым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые видимо, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила, — и мир это видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться? Что за страшная насмешка над человечеством! И к чему при таком ходе вещей сохранять еще наружные святые обычаи Церкви, небесный Хозяин которой не имеет над ними власти? Или это еще новая насмешка духа тьмы? Зачем этот утративший значение праздник? Зачем он вновь приходит глуше и глуше скликать в одну семью разошедшихся людей и, грустно окинувши всех, уходит как незнакомый и чужой всем? Всем ли точно он незнаком и чужд? Но зачем же еще уцелели кое-где люди, которым кажется, как бы они светлеют в этот день и празднуют свое младенчество, — то младенчество, от которого небесное лобзанье, как бы лобзанье вечной весны, изливается на душу, то прекрасное младенчество, которое утратил гордый нынешний человек? Зачем еще не позабыл человек навеки это младенчество и, как бы виденное в каком-то отдаленном сне, оно еще шевелит нашу душу? Зачем все это и к чему это?

Затем, чтобы хотя некоторым, еще слышащим весеннее дыхание этого праздника, сделалось бы вдруг так грустно, так грустно, как грустно ангелу по Небе. И, завопив раздирающим сердце воплем, упали бы они к ногам своих братьев, умоляя хотя бы один этот день вырвать из ряда других дней, один бы день только провести не в обычаях девятнадцатого века, но в обычаях Вечного Века, в один бы день только обнять и обхватить человека, как виноватый друг обнимает великодушного, все ему простившего друга, хотя бы только затем, чтобы завтра же оттолкнуть его от себя и сказать ему, что он нам чужой и незнакомый. Хотя бы только пожелать так, хотя бы только насильно заставить себя это сделать, ухватиться бы за этот день, как утопающий хватается за доску! Бог весть, может быть, за одно это желание уже готова сброситься с Небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней.

Но и одного дня не хочет провести так человек девятнадцатого века! И непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь; все мельчает и мелеет, и возрастает только в виду всех один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится в Твоем мире!

Отчего же одному русскому еще кажется, что праздник этот празднуется, как следует, и празднуется так в одной его земле? Мечта ли это? Но зачем же эта мечта не приходит ни к кому другому, кроме русского? Что значит в самом деле, что самый праздник исчез, а видимые признаки его так ясно носятся по лицу земли нашей: раздаются слова: «Христос Воскрес!» — и поцелуй, и всякий раз так же торжественно выступает святая полночь, и гулы всезвонных колоколов гулят и гудут по всей земле, точно как бы будят нас? Где носятся так очевидно призраки, там недаром косятся; где будят, там разбудят. Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но оживают в духе. Померкают временно, умирают в пустых и выветрившихся толпах, но воскресают с новой силой в избранных, затем, чтобы в сильнейшем свете от них разлиться по всему миру. Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет

померкнувшее — и праздник Светлого Воскресенья воспродуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов! На чем же основываясь, на каких данных, заключенных в сердцах наших, опираясь, можем сказать это? Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. Хуже мы всех прочих. Но есть в нашей природе то, что нам пророчит это. Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней. Что есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа, что есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратанье людей было у нас родней даже и кровного братства, что еще нет у нас непримиримой ненависти сословья противу сословья и тех озлобленных партий, какие водятся в Европе и которые поставляют препятствие непреодолимое к соединению людей и братской любви между ними, что есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев самих себя, как в девятнадцатом году, не пожалев имуществ, жгли дома свои и земные достатки, так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды — все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия — один человек. Вот на чем основываясь, можно сказать, что праздник Воскресенья Христова воспродуется прежде у нас, чем у других. И твердо говорит мне это душа моя; и это не мысль, выдуманная в голове. Такие мысли не выдумываются. Внушеньем Божиим порождаются они разом в сердцах многих людей, друг друга не видавших, живущих на разных концах земли, и в одно время, как бы из одних уст, изглашаются. Знаю я твердо, что не один человек в России, хотя я его и не знаю, твердо верит тому и говорит: «У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспродуется Светлое Воскресенье Христово!»

Публикуется в сокращении

И. Прянишников
Крестный ход

Пой со мной «ХРИСТОС ВОСКРЕС!»

КОСТА(КОНСТАНТИН) ЛЕВАНОВИЧ ХЕТАГУРОВ (1859-1906) — основоположник осетинской литературы, поэт, просветитель, скульптор, художник, символ Осетии. Его имя на родине звучит как имя Пушкина в России или Шекспира в Англии.

Коста был глубоко верующим человеком, гордящимся тем, что его осетинский народ ступил на путь Православия. Почти все его произведения живописи на библейскую тему. Сохранились монументальные росписи Алагирской церкви, выполненные им. Но больше всего он прославил Господа Иисуса Христа в поэтическом творчестве. Он говорил: «Конечно, никакая мудрость несравнима с христианской, которую я искренне хотел бы исповедовать всю жизнь. Советую и вам».

СТРАСТНАЯ НЕДЕЛЯ

Ночь великих испытаний
Реет над землей...
Дни печали и страданий
Настают, друг мой...

Чаша горечи и мщенья
До краев полна...
Бог любви и всепрощенья
Пьет ее до дна.

Красный плащ... венец терновый...
Крест... Голгофа... кровь...
Смерть — за призыв к жизни новой!
Пытка — за любовь!

Как не дрогнуть под грозою
Светлым небесам?!
Как не огненной росой
Падать их слезам?!

Как не треснула на части
До сих пор земля?!
Как мечтать о личном счастье
Смел с тобою я?!

МОЙ ДРУГ

Когда тебя, мой друг,
Порой гнетет недуг
И не находишь облегченья,
Ты вспомни о Христе.
Страданья на кресте
Ослабят вмиг твои мученья.

Когда же радость грез
Отравит горечь слез,
Когда тебя постигнет горе,
Ты вспомни лишь народ
Среди его невзгод...
Твои страданья — капля в море.

ПРАЗДНИЧНОЕ УТРО

Занялася заря... Вот и звон из церквей
С вестью радостной мир облетает
И к святым алтарям миллионы людей
Поклониться Христу призывает...

Разодетой толпой, как большой маскарад,
Наполняют они все моельни,
И бедняк, и богач в ожиданье наград
Раболепно склоняют колени.

Пред святым алтарем с площадным хвостовством
Ставят ярко горящие свечи
И под маской смиренья внимают потом
Пенью клира и пастырской речи...

Так исполнив обряд поклоненья Христу,
Богу братства, любви, всепрощенья,
Пред уходом спешат приложиться к кресту
В фарисейском самообольщенье.

И затем... Все забыв, предаются опять
Своим мелким житейским занятиям...
О, когда же, когда захотите понять,
Что Христос доказал вам распятем?!

Много ль нужно еще вам позорных веков,
Чтобы силой Христова учения
Жизнь избавить свою от тяжелых оков
Повседневных пиров и безделья?

Много ль нужно еще вам позорных веков,
Чтоб за братство, любовь и свободу
Не боялись цепей и терновых венков,
А несли бы с ним крест на Голгофу?!

НА ПАСХУ

Взгляни на мир, на всю природу,
Как жизнь, согретая лучем
Весенним, рвется на свободу,
Неудержимым бьет ключем!..
Как все бесхитростным весельем
Полно, как пышно все цветет!..
Как все любовью, всепрощеньем
И лаской братскою зовет!..
Как нежны переливы дали...
Как глубока лазурь небес!..
Забудь же, милый друг, печали
И пой со мной: Христос воскрес!..

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Оковы прочь! Раскройтесь гробы!
Нетленна смерть, безсилна злоба
Любовью погран ад.
Повержен меч, разбиты цепи,
Разсеян мрак тысячелетий,
Народ народу брат.

Ликует мир, цветет природа,
Повсюду свет, любовь, свобода...
Разверзлась твердь небес,
И ангелы предвечным клиром
Над возрождающимся миром
Поют: «Христос Воскрес».

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Умолкни ненависть и злоба,
Цепей бряцанье, звон оков!..
Разсейся мрак холодный гроба,
Безумье варварских веков!..
Прочь скорбь, печали и сомненья,-
Свершилось чудо из чудес:
Из мрака суеты и тленья
Христос Воскрес... Христос Воскрес!..

Слез, мироносицы, не лейте;
Не плачь, Святая Дева-мать!..
Идите, сеятели, сейте
На Божьих нивах благодать!
Спасенье миру возвещая,
Гремит торжественно с небес
Безплотных духов песнь святая:
«Христос Воскрес»... «Христос Воскрес!»

Настанет день, сплотившись дружно
Под светлым знаменем креста,
Мы все пойдем единокорно
На зов Спасителя-Христа...
Девизом будет нам распутье,
Благословение небес
Повсюду с нами.. Пойте, братья:
Христос Воскрес... Христос Воскрес!

ХРИСТИАНСКОЕ ИСКУССТВО

Однако мало кто знает, что современники А.К.Саврасова, впервые увидев эту неприятную картину, восприняли ее как настоящее откровение, «молитву святую».

А написана эта удивительно светлая картина была в тяжелейшее для художника время: в год, когда умирает его только что родившаяся дочь, а жена тяжело заболевает. Рисунок с авторской надписью «Могила моей дочери», «Бурлаки под Юрьевцем», которые так тянут свою ямку, как будто несут свой крест — вот первые работы безутешного Алексея Кондратьевича, похоронившего уже третьего ребенка. Но что-то с художником произошло — омытая трагедией душа вдруг стала пронзительно зрячей. Среди этих горестных пейзажей Саврасов заканчивает «Печерский монастырь под Нижним Новгородом» с жизнеутверждающим видом собора Воскресения Христа — образом тихой гавани где должна пристать рано или поздно утлая ладья всех труждающихся и обремененных. Эта картина дает ему силы вернуться к жизни. Ранней весной художник уезжает в село Молвитиново (ныне — Сусанино Костромской области), расположенное в нескольких десятках верст от Костромы. Там-то он и увидел своих «Грачей» — увидел старую церковь с просторами бесконечных русских полей за ней, странную красоту неказистых березок, ноздреватый плавающий снег с блеклыми тенями, промокшие избы, услышал громкую песнь пробуждения и радости. («Природа вечно дышит, — как-то сказал Саврасов. — Всегда поет, и песнь ее торжественна. Земля ведь рай — и жизнь тайна, прекрасная тайна».)

Возвратившись из отпуска, художник привозит с собой «Грачей». Слух о замечательном пейзаже доходит до Третьякова, и он сразу же покупает картину. А через несколько месяцев она уже участвует в выставке Товарищества передвижников. Пейзажи М. Клодта, И. Шишкина, Л. Каменева, Ф. Васильева, пронизанные любовью к родной природе говорили сами за себя. Но

«Грачи прилетели» Саврасова выделялись даже на столь солидном фоне. И это почувствовали все — как профессионалы, так и люди «с улицы», из любопытства заглянувшие на шумевшую выставку. И. Крамской тогда же

написал: «Пейзаж «Грачи прилетели» есть лучший, и он действительно прекрасный, хотя тут и Боголюбов, и барон Клодт, и Шишкин. Но все это — деревья, вода и даже воздух, а душа есть только в «Грачах»».

Вместе с этим полотном в русскую живопись вошел сюжет издавна знакомый жителям русских сел и деревень, напоминавший им о близком приходе весны. И все же при появлении «Грачей» перед современниками неожиданно раскрывалось что-то новое, уже совсем по-иному говорящее о знакомом явлении. Как будто по-прежнему идет жизнь вокруг, и среди этой жизни — на пустыре, огороженном забором, — совершается великое чудо тихого пробуждения природы от зимнего сна. Еще ранняя весна, все еще полумертвое, спит, но уже чувствуется приближение Пасхи — Воскресения Христова. И не случайно

храм, изображенный на картине, — Воскресенский, его строил костромской боярин Салтыков в память о сыне, погибшем во время стрелецкого бунта, строил с верой и надеждой на победу жизни над смертью.

В таком скромном, но пленяющем взор облике предстала перед А. Саврасовым русская весна, такой она навеки и запечатлена в

его картине — со своей вечной темой обновления жизни и надеждой на Воскресение.

Саврасов часто говорил своим ученикам: «Искусство и ландшафты не нужны, где нет чувства... Если нет души, значит — ничего не будет и в живописи — холод и машина — одна ненужная теория... Знайте веру, надежду и любовь — остальное приложится».

«Грачи» Саврасова стали своеобразным символом России, Родины. В душе своей каждый русский человек носит этот образ. Не случайно в тяжелые для России годы, во время войны миллионными тиражами издавались открытки с изображением именно этой картины.

Ну, разве найдётся у нас человек, не знающий художника Саврасова? По нынешним беспощадным определениям, чисто кроссвордный художник. Кто автор картины «Грачи прилетели»? — Конечно, он, Саврасов. И всё. Нужно ли о нём ещё что-то помнить? Девять букв по диагонали или по вертикали. Художник одной-единственной картины.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

В Сан-Франциско ещё вчера,
а в Тобольске уже завтра*Продолжение. Начало №№ 10-12, 2010 г., № 1-12, 2011 г., № 1-3, 2012 г.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Встречи в Поднебесной

11

Позади остались какие-то задворки, храм Великой скорби, грязные заросли бамбука, свалки мусора... Потом отец долго тянул коляску мимо побелённого забора. Яба знал, что за этим забором кладбище с могилой матери. Отец на ходу поднял с земли похоронный посох. «Зачем он его?» — подумал Яба. На такой посох опираются, когда идут за гробом родителей сыновья, так как предполагается, что от скорби они физически слабеют. Ябе сделалось ещё страшней. Отец проговорил, не оборачиваясь к сыну: «Сердце стучит так, что готово выпрыгнуть наружу... А то остановится и молчит зачем-то. — И почувствовав, что мальчик намеревается слезти с коляски, торопливо проговорил: — Но ты сиди, сиди, скоро будем на месте».

Где похоронена мама, Яба успел забыть, хотя и года ещё не прошло. Гроб где-то за этим белым забором, неглубоко в земле...

А белый забор всё тянулся и тянулся, будто этому белому цвету не будет конца. (Белый цвет в Китае — цвет траура.) Яба хорошо запомнил это кладбище, и один смог бы найти его. Но найти могилу матери мальчику было бы так же трудно, как каплю упавшего на землю дождя. Таким огромным было это — одно из многочисленных кладбищ Шанхая. Даже отец теперь не сразу разыскал. Яба с удивлением увидел, что когда-то большой бугор земли над гробом матери теперь превратился в совсем маленький бугорок. Но бугорок голый. Почему-то на нём не росла трава. От этого Ябе сделалось ещё более жутко.

Отец вынул из кармана тоненькую пачку бумаги, которая символизировала могильные деньги. Посадил сына на краю могилы, зажгёт бумагу. Хлопья пепла поднялись в воздух и, кружась, опустились на могилу...

Отец как будто перестал замечать сына. Он упал на могильный холмик и, вытянувшись на нём, обхватил его руками. Яба слышал, как он чуть слышно рыдал, за-

хлёбываясь слезами. А Яба вспоминал, как шёл с отцом за гробом, опираясь на похоронный посох, и оба плакали. Он помнил умершую маму, помнил гроб. Он навсегда унёс от них маму. Папа после похорон несколько дней ничего не ел, не бегал с коляской, а только лежал и плакал. Он так же вот плакал, как плачет теперь — тихо, жалобно, с подвыванием.

Яба горестно вспоминал маму, и в горле его что-то судорожно схватывало и, утихая, катилось наружу. А потом ему сделалось так жалко отца, что слёзы сами собой потекли по щекам. Но он сдержался от рыданий, чтоб отец ещё больше не заплакал. Потянул его за руку: «Не плачь, па, не плачь». Но отец от его уговоров заплакал ещё сильнее, крепко прижал могилу к себе. А потом как-то сразу весь задрожал и вытянулся. Яба словно онемел, оглох, обездвижился. Он ни разу не видел, как умирают люди, но сразу понял: больше у него нет отца. Так и сидел возле него недвижим. Не шевелился и отец. Долго сидел мальчик, боясь дотронуться до отца. Потом, наконец, решился: пошевелил его молча. Посильней пошевелил. Вскочил, затряс его со всей силой, на какую был способен: «Папа! Папа! Папа!» Отец в его руках был подвижен, как свёрнутое одеяло. Яба был так поражён случившимся, что не мог даже заплакать, опять присел возле отца.

В эту ночь не было луны, и во мраке было так тихо, будто вернулись времена Великого покоя, царившего при императоре Фу Си. Даже привычной трескотни цикад не было тут. Яба вспоминал прожитые с отцом годы, особые случаи необыкновенной внимательности к людям. Обычно отец охотно отвечал на вопросы, если к нему обращались. Но если не обращались, мог промолчать весь день. С клиентами не рядился, не отбивал клиентов у других рикш, как это делали другие рикши. Отец за всю свою жизнь не только ни с кем не подрался, но даже не поссорился.

Единственный случай, когда он оказал сопротивление, это когда не отдавал гомиьндановцам ткань. Да и то, какое это сопротивление? Его били кулаками, пинали, а он лишь бессмысленно старался удержать дорогую для него вещь, купленную на деньги, которые он зарабатывал с таким трудом и старался хоть немного скопить для покупки чего-нибудь для милого сыночка.

Яба всегда очень любил отца, и в любви своей не понимал: хороший его папа для других людей или не очень. Когда Ябе было лет десять, он допытывался у матери:

— Мама, а какой наш папа?

Мать перечисляла все его добродетели, все достоинства, после чего Ябе казалось, что отец, хотя и рикша, но всё же какой-то чудной рикша.

...Уже было далеко за полночь, когда мальчик потащил тело отца в коляску. Хоть и поджарый был его отец, но поднять его Яба был не в силах. Так волоком и затянул на сидение.

Всю жизнь возил отец на этой коляске людей, теперь он впервые сам на ней ехал. Коляска в гору шла тяжело. Так что Яба продвигался вверх, таща коляску поперёк — от края до края горы, постепенно, хотя и медленно поднимаясь всё выше и выше...

Обитатели трущоб, в которых обитал и Яба с отцом, спали. Так что никто не видел и не слышал, как мальчик втаскивал в комнатушку тело отца. Всё это он проделывал необычайно тихо. Боялся, что хозяин клетушек дознается и потребует увезти мёртвого отца куда-нибудь подальше.

Он уложил его на ватные очёсы, на которых сам спал, проверил его карманы и нашёл два юаня и три чоха (чох — связка медных монет). На что хоронить? На что покупать гроб? Яба улёгся рядом с мёртвым отцом. Он так переволновался, так был угнетён смертью самого дорогого для него человека, что сразу же и уснул. На рассвете, ещё не проснувшись, но почувствовав рядом с собой отца, подумал сквозь сон: «Почему он опять со мной?»

Некоторое время после смерти матери отец укладывался с сыном, а потом опять стал спать отдельно. «Соскучился...», — пронеслась в сонной голове мальчика приятная счастливая мысль, но скоро Яба пришёл в себя, всё вспомнил и сразу же вскочил на ноги. Быстро пришла мысль: «Надо обратиться за помощью к брату отца. Он поможет похоронить». Яба закрыл тело отца одеялом, оставив только волосы. Если кто-нибудь заглянет в клетушку, чтоб подумал: отец спит.

Дяди и его семьи дома не оказалось. Соседи объяснили: брат отца примкнул к левому крылу гомиьндана и теперь прятался где-то с семьёй от правых. Оставался ещё один вариант: обратиться к Анне Петровне. Поехал к ней с последней надеждой. Но и она куда-то уехала. Что же делать? На два юаня, оставшихся от отца, похороны не организовать. Если попробовать попроситься к кому-нибудь что-нибудь помочь и за это получить деньги?

И с этой надеждой отправился мальчик на поиски работы.

В одном доме ему позволили почистить чан для воды, в другом поколоть дрова, в третьем доверили очистить рис, в четвёртом он сметал метёлочкой, сделанной из тряпок,

пыль с сапог хозяев... За всё это ему давали немного денег, но их ещё очень и очень не хватало даже на гроб.

Так прошёл день, второй, третий, четвёртый... Денег он помаленьку набирал, но всё медяками и до нужного количества было ещё очень далеко. А мёртвый отец, между тем, продолжал лежать неприбранным, и он, сынок его, ничем не мог помочь бедному папе. Люди, проходящие мимо их клетушки, уже говорили: «Пахнет чем-то. Крыса дохлая, что ли, где-то лежит?» Яба чувствовал себя зверьком, загнанным в угол. От отчаяния он готов был к любому безрассудному поступку.

На пятый день наступил праздник местного божества. По обычаю, построили театральные подмостки, а рядом с ними, тоже по обычаю, расставили игральные столы. Набрёл на них Яба и увидел игроков. Вспыхнула надежда: поиграть и, может, удастся что-нибудь выиграть. От такой мысли он даже вспотел. Протиснулся в середину людей, которые сидели тесным кружком на корточках прямо на земле и играли в кости. В них он знал как играть. И как это делают взрослые, звонким, детским голоском Яба пронзительно крикнул:

— На «Зелёного дракона», сорок взней!

— Хэ!.. Ну, открывай!

Сдающий, разгорячённый азартной игрой, открыл ящик с костями и возгласил:

— «Небесные ворота» и «Углы». «Сквозняк» и «Зелёный дракон» — есть.

— Ставлю на сквозняк — сто! — крикнул кто-то из игроков. — На «Небесные ворота».

И под эти возгласы чужие деньги постепенно переходили за пояс Ябы. В азарте он обезумел от такого успеха. Его лицо пылало и ещё больше покрывалось потом. Он слышал только выкрики банкoméта. Выигрывал и проигрывал, но больше выигрывал. Ему было не до гонга и не до боя барабанов, зазывно гремевших рядом в театре. Да он как будто и не слышал их. Медяки превращались в серебряную мелочь, серебро — в юаня, и вскоре за его поясом торчала целая куча денег. Кто-то проговорил: «Всегда новичкам везёт». А кто-то посоветовал: «Остановись, малыш! Не жадничай...» Но малыш думал только о похоронах отца и уже выкрикивал: «Два юаня на «Небесные ворота!»»

...Он не понял, кто с кем и из-за чего затеял драку. Ругань, удары, топот ног, — всё смешалось у него в голове. Мысль: «Надо бежать...»

Поддерживая пояс с деньгами, он кинулся в сторону своих трущоб...

Что с ним было дальше — не помнит. А когда очнулся — вокруг какие-то ящики. В голове такая боль, будто её долго топтали ногами. У него было смутное ощущение какой-то потери. Попытался подняться — в глазах потемнело и сразу же вырвало. И он опять потерял сознание. Очнулся от лая собак. Яба не единожды слышал, что стаи голодных псов набрасываются на бездомных детей и пожирают их. Ещё он вспомнил, как Анна Петровна говорила ему: «Если тебе когда-нибудь будет очень трудно, громко позови владыку Иоанна, а если не сможешь громко, то хотя бы мысленно». Яба провёл рукой по лицу. Оно было липким. Видимо,

в крови. «Псы издали почуют кровь», — подумал он. «Владыка Иоанн, помоги!» — едва пошевелились его запекшиеся в крови губы, а ему показалось, что крикнул громко. От этого усилия он вновь отключился от окружающего мира, и явь перетекла в видение.

Перед ним бушующее море. Среди волн, борясь с ними, движется в сторону Ябы чёлн. В челне владыка Иоанн. Вот он ближе, ближе... Сквозь шум прибоя, слышится гавканье собак. И это гавканье тоже всё ближе и ближе. «Владыка

Иоанн, помоги!» — шевелились губы мальчика, протягивались руки в сторону челна с владыкой. И будто уже не владыка, а Сам Иисус Христос в челне. Из-под широких рукавов рубища тянутся руки Христа навстречу рукам мальчика. Яба видит Его ладони, пробитые гвоздями. «Христос... родненький, спаси меня!»

Видение исчезло. Вокруг ни тьмы, ни света — одна лишь глухота...

Продолжение следует

ГОТОВИМСЯ К ПРАЗДНИКУ

Пасхальная курочка

Эта сшитая из ткани курочка — хороший подарок к Пасхе, который можно сделать своими руками. Внутри можно положить шоколадное или куриное крашеное яичко.

Для изготовления пасхальной курочки вам потребуются: кусочки ткани разных цветов, шерстяные нитки или мулине, нитки для шитья, игла для шитья и ножницы.

На кусочке ткани 20 см x 8 см выкраиваем тельце курочки (рис.1), оставив внизу запас на побгиб для будущей кулиски (на рис. 1 он отмечен пунктиром).

Затем из контрастной ткани раскраиваем два крылышка и пришиваем их к тельцу курочки на лицевой стороне, расположив симметрично (рис.2). Из красных ниток формируем гребешок, из пестрых — хвостик, и крепим как показано на рис. 2.

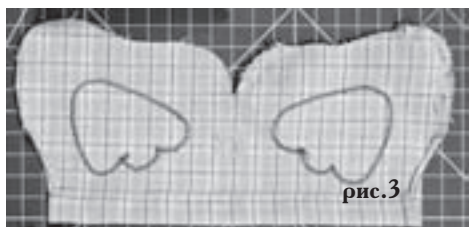

рис.3

рис.2

Далее подшиваем кулиску на изнаночную сторону (рис.3), складываем получившуюся заготовку пополам лицевой стороной внутрь и прошиваем по краю до отверстия кулиски, забыв вложить клювик.

Выворачиваем курочку, пришиваем глазки и вставляем кулиску. Наша курочка готова!

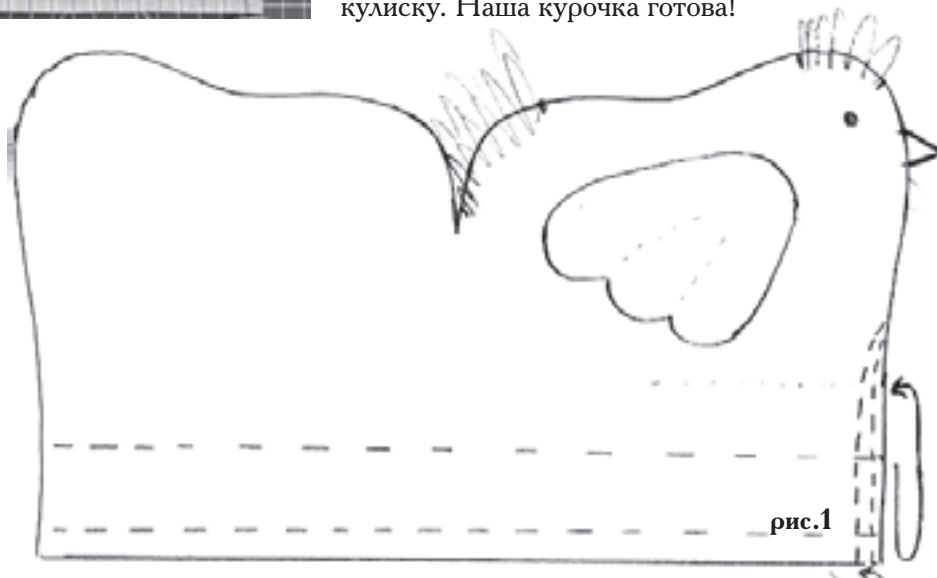

рис.1

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 10.04.12. Выход по графику 26.04.12

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

Весна в детстве

Вешний грач по свежей пашне
Ходит с важностью всегдашней,
Ходит чинно взад-вперед,
Нету птицы богомольней,
Звон услышав колокольный,
Не спеша поклоны бьет.
Строгий звон великопостный
Понимает грач серьезный,
Первым встретил ледоход,
Первым видел половодье,
Пост Великий на исходе,
Все меняется в природе,
И всему свой черед...

В самый светлый день весенний,
В день Христова Воскресенья,
С церкви Зимнего Николая
Разольется звон веселый
И с пяти церквей в ответ
То ли звон, то ли свет.
Старший колокол — для фона:
Звук тяжелый и густой
В день веселый, день святой
Оттеняет перезвоны
Молодых колоколов.
Солнце синий воздух плавит,
Жарким блеском праздник славит
На крестах куполов.

И щебечут в поднебесье
Малые колокола, —
Светлый день! Христос воскрес!
Всемогущему хвала! —
То в распеве всей гурьбой,
То вразброд, наперебой —
Славят первый день пасхальный,
Бестревожный, беспечальный.

Этот день впереди,
А пока погляди,
Как под звон великопостный
Ходит пашней грач серьезный,
Ходит чинно взад-вперед,
Не спеша поклоны бьет.

Мария Сергеевна
Петровых (1908-1979)

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Краткий обзор православных праздников
(по новому и старому стилю)

Антипасха
Неделя апостола Фомы
(22/9 апреля)

Радоница
Поминование усопших
(24/11 апреля)

Неделя
святых жен-мироносиц
(29/16 апреля)

Святителя
Николая Мирликийского
(22/9 мая)

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ
Равноапостольных
Мефодия и Кирилла
учителей Словенских
(24/11 мая)